

Архангельские губернские ведомости

1902, 12 февраля, № 34.

с. 3.

Мимоходомъ.

(Театральная заметка).

Какъ я ожидалъ и говорилъ при просмотрѣ пьесы „Чайка“ 2 недѣли тому назадъ, такъ и вышло: матеріальный успѣхъ она имѣла ничтожный; театр, 10 февраля, былъ болѣе чѣмъ на половину пустъ. Сценическаго успѣха пьеса, въ глазахъ публики, тоже не имѣла: такихъ анжкихъ, слабыхъ, робкихъ, нерѣши-

тельныхъ, можно сказать, стыдливыхъ хлопковъ—ихъ даже нельзя назвать аплодисментами—не вызвала еще ни одна пьеса.

Если послѣдняя окончательно не провалилась, то это надо приписать обаятельной и задумчивой игрѣ „божественной“ и мастерской техники игры гг. Карамизио, Витарского и т-жи Черныш-Замольской. Остальные исполнители напоминали скелеты, загрозили тѣмъ, междоусобица привидѣнія, по произволу автора появляющіеся то тутъ, то тамъ.

О меконъ вещи надо судить по внутреннему ея достоинству, а не по кличкѣ. Здѣсь же, очевидно, понадеялись, что пьеса, новая для Архангельска, возбудитъ интересъ и имя автора завоеуетъ ея популярность. Не все, однако, новое бываетъ хорошимъ и не отъ всякаго бездариства можно ожидать хорошей драмы.

Я не хочу этимъ сказать, что пьеса „Чайка“ нигде не годится. Но не вездѣ и не всегда могутъ дать хороши сборъ и хороши пьесы. Говорятъ, что самымъ артистамъ эта пьеса очень понравилась; нѣтъ—тоже, но большаго публичнаго нѣтъ.—Ну, будто что въ пользу Св. Петра (пріюта), а то и смотрѣть бы не стоило, говорили зрители.... Никогда не сѣдѣть ни упустить изъ виду, съ кѣмъ имѣешь дѣло, ни тратить зарядовъ попусту....

Между тѣмъ данная пьеса способна доставить высокое наслажденіе только людямъ съ тонкимъ вкусомъ, съ артистическимъ чутьемъ, съ высокими уственнымъ развитіемъ. Для остальныхъ—это terra incognita et tabula rasa, если не хуже. Слѣдовательно, труды труппы почти пропади даромъ, а ихъ требовалось для такой пьесы очень и очень много....

На это могутъ возразить, что артисты при выборѣ пьесы не должны дѣйствовать въ угоду взглядамъ массы, а имѣютъ право руководить ея сценическимъ развитіемъ, воспитывать ее на лучшихъ образцахъ драматическаго искусства и т.

д.—Совершенно явранда, но наша публика не любитъ пьесы такого содержанія, особенно тѣхъ, гдѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ—актеры (припомнимъ малый успѣхъ „Лѣса“ Островскаго).

А когда артисты играютъ главнымъ образомъ для собственнаго удовольствія, они рискуютъ изобразить „гласъ вопиющаго въ пустынь“. Въ данномъ случаѣ, при постановкѣ спектакля съ благотворительною цѣлью, интересъ самоуслажденія долженъ былъ, конечно, оставаться на заднемъ планѣ....

Пьеса нѣтъ лично, какъ и немногимъ цѣнителямъ искусства, понравилась своей оригинальностью, отъ нея вѣло чѣмъ то живымъ, неистасканнымъ. Сильная струя новѣйшаго натурализма пробивалась почти въ каждомъ явленіи, но—по недостатку художественности изображенія—это была не освежающая струя. На душу кошмаромъ дожилась одна болѣзненно-первыя настроенія.

Болезнь и недоволенъ снмъ судьбой Петра Сорина; ненормальна его сестра актриса Треплева; неуравновѣшенъ и недоволенъ ея снмъ—начинающій писатель, кончающій самоубійствомъ; недоволенъ своимъ положеніемъ нищій учитель Медвѣденко; недоволенъ собою „записавшійся“ литераторъ Григоринъ; недовольна Нина Зарѣчная, счастье которой разбито Григориннымъ; недовольна Маша Шапраева, вышедшая не по любви замужъ за учителя и любящая другого. Довольны своей участію только врачъ Доринъ, управляющій Сорина Шапраевъ и его жена Полина Андреевна, но это народъ совсѣмъ неинтересный по своей ограниченности.

Кого же въ большой публики можетъ интересовать такая пьеса, лишенная притомъ объединяющаго идейнаго начала и страдающая скороспѣлостью, отрывочностью, калейдоскопичностью....

Тѣмъ не менѣе артисты прилагали усплія и спасли пьесу отъ провала. „Божественная“ играли „чужку“—передетную птицу, актрису, утратившую личный по-

кой и счастье в рѣшившуюся жить для другихъ. Въ ея игрѣ видны были неподдѣльное вдохновеніе и огонь блестящаго дарованія. Когда она появлялась, зрительный залъ замиралъ отъ тишины и сосредоточенности. Гениально была изображена ею въ первомъ актѣ „будущинѣ жизни по Фламмариону“.

Декораціи были роскошны. Картина овера производила полную иллюзію.

Водевилъ „Женская чепуха“ Щеглова принесть съ собою въ концѣ спектакля нѣсколько неселать минутъ, заставивъ посидѣться надъ женской суетой и избалованностью.

„Sando“.